

Семёнова Галина Николаевна

ПОЗИЦИОННОЕ ЧЕРЕДОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ(НА БАЗЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА)

В статье даётся обзор существующих точек зрения на позиционное чередование в системе грамматических форм (на базе категории числа). Усилия многих исследователей грамматической семантики были нацелены на то, чтобы обнаружить инвариантное (общее) значение, присущее, во-первых, категории числа в целом и, во-вторых - инвариантное значение каждой из форм, составляющих числовую оппозицию.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2009/2/66.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (4). С. 228-232. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2009/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

THE DEGREE OF THE ASSIMILATION OF FOREIGN UNITS IN TOMSK CITY NAMES

Samsonova Ekaterina Sergeevna

*Inter-Faculty Department of Professional Foreign Language
Tomsk Polytechnical University
twin16@tpu.ru*

Abstract. In the article the problem of the use of foreign words in city names and the degree of their assimilation in the speech of the townspeople of different age and social groups is considered. The author presents the classification of the foreign nominations reflecting the stages of their assimilation in the language space of the city.

Key words and phrases: foreign word; loanword; degree of assimilation; city lexicon; nomination.

ПОЗИЦИОННОЕ ЧЕРЕДОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ
(НА БАЗЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА)

Семёнова Галина Николаевна

*Кафедра иностранных языков
Волгодонский институт (филиал) Южно-Российского государственного технического университета
galinasem@bk.ru*

Аннотация. В статье даётся обзор существующих точек зрения на позиционное чередование в системе грамматических форм (на базе категории числа). Усилия многих исследователей грамматической семантики были нацелены на то, чтобы обнаружить инвариантное (общее) значение, присущее, во-первых, категории числа в целом и, во-вторых - инвариантное значение каждой из форм, составляющих числовую оппозицию.

Ключевые слова и фразы: грамматические формы; категория числа; вариантность; инвариантное значение; числовые формы; имена pluralia tantum.

В языках мира самой частой из именных категорий является категория числа. Языки с категорией числа отличаются друг от друга «масштабностью» этой категории:

1. число выражается формально у всех частей речи (русский, немецкий, французский, хинди);
2. нет числовых различий у прилагательных (английский, венгерский, турецкий, японский, китайский, корейский, монгольский);
3. не различается число у глагола (английский - в 1 и 2 лице, скандинавские языки, японский, монгольский, китайский);
4. имеются факультативные различия чисел у существительных (турецкий, монгольский).

С сосюрковским разграничением языка и речи тесно связано чрезвычайно популярное в лингвистике середины XX столетия различение инварианта и вариантов. Вариантность чаще всего понималась как представление о разных способах передачи какой-либо языковой сущности, о ее модификациях. Другое понимание - более широкое - трактует вариантность вообще как основной способ существования и функционирования языковой системы. Вариант при этом понимается как проявление одной и той же языковой сущности, а инвариант - абстрактное обозначение одной и той же сущности в отвлечении от конкретных реализаций, модификаций [Лингвистический энц. сл., с. 80]. Но если на фонетико-фонологическом уровне различие инвариантов (фонем) и вариантов (аллофонов) явное и яркое, то при описании значимых единиц языка, тем более - репрезентирующих грамматические значения - противопоставление вариантов и инварианта не столь очевидно. Это в полной мере относится и к категории числа.

Усилия многих исследователей грамматической семантики были нацелены на то, чтобы обнаружить инвариантное (общее) значение, присущее, во-первых, категории числа в целом и, во-вторых - инвариантное значение каждой из форм, составляющих числовую оппозицию. Однако анализ употребления числовых форм привел только к выводу, что «нет ясности и прозрачности ни в онтологии, ни в гносеологии, ни в собственно языковых аспектах этой категории» [Ревзина, с. 66-78], а мысль «о семантической стандартности грамматических значений представляется далекой от реального положения дел» [Плунгян, 2000]. Число, как «категория обобщающего учета» [Ломовцева, с. 71-79], выполняет и множество иных функций, и потому точка зрения на природу номинативных элементов значения категории числа, согласно которой в основе всех числовых противопоставлений лежит противопоставление единичности и множественности, не дает вполне адекватной интерпретации их сущности. Различение одного и больше чем одного предметов предполагает реализацию счета, связанную с понятием числа. Счет же, равно как и измерение, является в первую очередь средством выявления количественной определенности, тогда как грамматическое значение множе-

ственности передает, прежде всего, количественную неопределенность (что отмечалось еще в античных грамматиках).

Естественно, что наиболее простой и распространенный ответ на вопрос о семантическом содержании категории числа связан с самой номинацией категории. А. В. Исаченко назвал такой подход "опасным номинализмом" [Исаченко, с. 28-44]; К «этикеточным» отнесла такой взгляд на природу числа А. Вежбицкая: "Ярлыки этого типа отражают здравую интуицию, в соответствии с которой грамматические категории имеют семантическую основу, и потому одноименные категории разных языков могут быть приравнены друг к другу - не на основании грамматической формы..., а на основании некоторого общего семантического ядра. Но как бы ни были зачастую ценны этикетки этого типа, они несут с собою определенную опасность, потому что, хотя они и намекают на то, какое значение закодировано в некоторой грамматической категории, они не могут представить это значение точно" [Вежбицкая].

Обнаружение и описание инварианта категории числа остается острой проблемой в грамматической науке. При этом самым естественным пониманием инварианта является представление о нем, как об общем смысловом компоненте, присутствующем в каждом из частных значений неоднозначной языковой единицы: такой компонент должен иметь нетривиальный статус (то есть не должен относиться к семантическим примитивам) и должен «скреплять» все частные интерпретации единицы. «Подобное единство частных интерпретаций, обеспечиваемое общим смысловым компонентом, действительно, представляет собой случай, наиболее «удобный» для языковой интуиции носителя языка и для лингвистического сознания исследователя», - пишет Н. В. Перцов [Перцов, 1997, с. 223-227]. В другой своей работе Н. В. Перцов [Перцов, 2001] пишет о том, что «наиболее интуитивно приемлемое и четко интерпретируемое нашим сознанием противопоставление - 'один объект - более одного объекта в их раздельной интерпретации' - так или иначе мотивирует все частные проявления единственного и множественного числа существительного соответственно.

Н. В. Перцов отмечает, что «связи частных непрямых значений числа» с инвариантами различны для форм единственного и множественного числа. Для инвариантного значения множественного числа им выделяется «пять коннотаций оппозиции «единичность/множественность»: целостность - расчлененность, однообразии - разнообразии, ограниченное количество - большое количество, компактность - протяженность, определенность - неопределенность. Все «непрямые» употребления множественного числа сводятся к этим пяти коннотациям с их инвариантом - «неединичность». То есть, Н. В. Перцов [Там же] полагает возможным при опоре на противопоставление единичности и множественности как инвариантное учесть и все частные проявления единичности и множественности, поскольку главное противопоставление «дополняется пятью противопоставлениями-коннотациями, сопряженными с исходной инвариантной оппозицией. Тем самым, результирующее инвариантное содержание числовой оппозиции складывается из исходной и пяти коннотационных: (К1) целостность - расчлененность; (К2) однообразие - разнообразие; (К3) ограниченное количество - большое количество; (К4) компактность - протяженность; (К5) определенность - неопределенность» [Перцов, 1997, с. 223-227].

Как справедливо пишет Г. Д. Архипкина [Архипкина], в этой концепции неясно, почему эти оппозиции характеризуются как коннотационные (особенно К1 и К5, которые не более коннотационны, чем основная оппозиция) и - самое главное - неясно, как же снимается то противоречие, которое издавна ставило исследователей в тупик: возможность форм единственного числа передавать множественность и наоборот. С. В. Конявская [Конявская] заметила, что под грамматическое противопоставление «один - не один» Н. В. Перцовым подводятся слишком разнородные явления, преимущественно - лексического плана. Кроме того, при таком понимании инварианта множественного числа размывается сама идея инвариантности - наличия того или иного значения у любой формы данного класса.

Так как многие употребления числовых форм не укладываются в это соответствие формы и содержания (например, случаи так называемого «родового» употребления, или значения класса, присущего формам единственного числа), основу противопоставления единственного и множественного числа стали связывать с противопоставлением расчлененности и нерасчлененности. При таком подходе противопоставляются дискретность, расчлененность (как значение множественного числа) и нерасчлененность (как значение единственного числа) - см. [Исаченко; Басманова; Ревзина]. Эта идея, однако, не стала широко признанной. Возможно, дело в том, что само понятие расчлененности/нерасчлененности, отражающее такие свойства материи, как дискретность/недискретность, является недостаточно четким и определенным, особенно применительно к именам неконкретной семантики, так что получается отвергаемое логикой объяснение неизвестного через непонятное.

Попытка объединения признаков единичности/множественности и расчлененности/нерасчлененности как конституирующих грамматическую категорию числа предпринята в работах Л. Г. Яцкевич. Постоянным собственным признаком числовых форм она признает нерасчлененность у форм единственного числа и множественность у форм множественного числа. В эту концепцию совершенно не укладываются случаи, названные И. И. Ревзиным (1969) немаркированным множественным. Известное еще с античных времен свойство множественного числа передавать значение неопределенности (а соответственно единственного числа - определенности) иногда рассматривается как категориальный признак числа, однако и такой подход вынуждает делать множество оговорок (значение неопределенности как инвариант семантики множественного числа вряд ли помогает интерпретировать конкретные *pluralia tantum*).

Чаще всего число и сегодня описывается как противопоставление количественных значений [Лингвисти-

ческий энцикл. сл.]. Или ср.: "Грамматическая категория числа существительных раскрывает отношение качества, отражённого в лексическом значении слова (всякий предмет есть воплощение определенного качества), к его количественному проявлению - через грамматические значения проявления качества в единичной реальности или в их множестве" [Чесноков]. «Категорией (субстантивного) числа называется категория, элементы которой указывают количество соответствующих объектов» [Мельчук]. То есть притом, что хорошо известны факты, которые не укладываются в такую трактовку, все же инвариантом категории числа признается (особенно в трудах общего характера, не специально посвященных категории числа). Так происходит оттого, что иного удовлетворительного «кандидата» в инвариантное значение найдено (при всех многочисленных попытках!) не было.

У ряда грамматистов сами попытки обнаружить такое инвариантное значение вызывают протест. Так, В. И. Дегтярев [Дегтярев, с. 58-69] называет «бесплодными» попытки вывести общие глобальные значения категории числа из общих свойств предметов. "Не поиски инвариантных значений, представляющие по существу способ логической обработки фактов, отвлекающийся от многосложности исторического формирования и развития грамматических категорий..., а изучение функционирования грамматических категорий, первичных и вторичных семантических функций языковых единиц может быть действительно плодотворным в определении содержательности и лингвистического характера категории числа". В свое время А. М. Пешковский (1938) указал на то, что для ряда грамматических категорий не существует единого значения. Как пишет В. А. Плунгян, ученые посвятили много усилий тому, чтобы установить инвариант граммы множественного числа, и поиски этого инварианта шли обычно вне количественной сферы и сводились к абстрактным формулировкам типа «расчлененность/нерасчлененность. В действительности перед нами, скорее, полисемия с многообразными внутренними связями между значениями, а поиск общего компонента может и не увенчаться успехом» [Плунгян, 2000].

А. В. Бондарко считает необходимым не ограничиваться при анализе проблемы инвариантности и вариативности описанием системных признаков грамматических категорий, категориальных и некатегориальных значений, взаимодействия лексики и грамматики, системы и среды и обращается к понятию прототипа. Прототип анализируется с позиции системы вариативности как «эталонный репрезентант определенного инварианта среди прочих его представителей» [Бондарко]. Отличие инварианта от прототипа в том, что инварианты часто не являются интенциональными, тогда как прототипы в сфере семантики по своей природе интенциональны и неразрывно связаны с актуальным сознанием участников речевого акта.

Невозможность так обозначить семантическое содержание всей категории, чтобы оказались охваченными все возможные языковые представления количественной семантики, привела к поиску иных решений. Наметились два направления.

Первое состоит в том, чтобы рассматривать грамматическую категорию как «конгломерат гетерогенных функций» [Кацнельсон]. Ср. также: "Представляется вполне плодотворным, следуя принципу, сформулированному Е. Куриловичем, при описании значения словоформ единственного и множественного числа ориентироваться только на ограниченный круг исходных, первичных контекстов их употребления, а значения, возникающие в неисходных, специальных контекстах, описывать отдельно" [Зализняк, Падучева, с. 29-37]. Как отмечает Г. Д. Архипкина [Архипкина], при таком подходе резко возрастает объем модусных числовых значений (помимо общеизвестных, в этом списке оказывается «множественное сенсационное», «множественное привычное» и под.).

Второе направление связано с попытками объяснить единство категории не наличием инвариантного смысла, а на основе анализа позиционных условий употребления оппозиционных форм. Второе направление реализовано в работах Е. В. Клобукова (1979, 1995, 1998), М. В. Панова (1990, 1999), Л. А. Брусенской (1994), В. А. Лазарева (2002), О. М. Чередниченко (2002).

Е. В. Клобуков [Клобуков, с. 127-136] отметил, что допущение возможности появления новых элементов значения в разных позициях, обусловленных системным взаимодействием грамматической формы и контекста, позволит осознать причины разнообразия «частных» грамматических значений. Появление системных приращений смыслов можно прогнозировать, так как можно описать контексты, их вызывающие и определяющие. Оказывается, что, частные значения грамматических форм обусловлены лексическими и грамматическими факторами позиции. Парадигмы позиционно чередующихся значений Е. В. Клобуков считает вполне реальными, хотя и малоизученным объектом грамматики языков, имеющих субстантивное склонение. Чередующиеся значения объединяются в один функциональный блок не благодаря близости этих значений, и в этом принципиальное отличие от парадигм лексических (парадигм многозначных слов, синонимических рядов и т.п.). Исследование и описание семантических парадигм грамматических значений, по мысли Е. В. Клобукова, должно стать основой функциональной грамматики особого типа - изучающей язык от формы к смыслу.

М. В. Панов [Панов, с. 75-89] пишет о том, что грамматистам хотелось свести «пестроту» значений увидеть к некоему глубинному единству, однако убедительных результатов такие усилия не имеют. М. В. Панов переводит проблему в другую плоскость, когда пишет, что нужен ясный ответ на такой вопрос: сами говорящие имеют ли представление (интуитивное, глубинное) об этих закулисных значениях? И обязательно ли их иметь, чтобы правильно пользоваться языком? Если не обязательно, то есть владение языком не связано с прониканием в глубину этих значений, то, несомненно, эти глубинные значения не принадлежат языку. Если же говорящим необходимо усвоить эти глубинные значения, о которых толкуют исследователи, то

какие ошибки могут возникнуть (и реально возникают) при невладении этой глубинностью? Пока на этот вопрос нет ответа, а значит - нет основания построение "глубинных значений" считать убедительным ответом на вопрос: чем объединяются разнородные грамматические значения, присущие одной грамматической форме, одному суффиксу. Принципиальное значение имеет следующее положение: всё, что позиционно чередуется, с точки зрения системности языка - единая сущность, целостная единица. Это положение является основополагающим в фонологии: непозиционно чередующиеся звуки не составляют функционально-целостные единицы (а потому их нельзя объединить на письме одним буквенным знаком), а позиционно чередующиеся составляют целостную единицу - фонему. М. В. Панов, опираясь на идеи изоморфизма уровней языка, распространил эту идею и на грамматику. Подобно тому, как разные звуковые единицы объединяются в целостность на основании того, что чередуются позиционно, и грамматические значения объединяются в целостность только потому, что выбор их обусловлен позиционно.

Позиционные условия чередования грамматических значений М. В. Панов в своей «Позиционной морфологии русского языка» (1999) показал на примере Творительного падежа имени. Исходя из идеи позиционного чередования, М. В. Панов объясняет более десятка значений, свойственных Творительному падежу. Под позиционными условиями при этом имеется в виду чрезвычайно широкий перечень явлений: прежде всего - фактор лексического значения, а также синтагматика словоформы, ее конструктивная обусловленность и даже "отвержение" (от слова "отвергнуть") данной конструкцией других значений, возможных у этой формы. Главное достоинство данного подхода, как считал М. В. Панов [Там же] заключается в том, что такое описание будет единым, целостным, вытекающим из общего принципа: при таком подходе грамматическое описание составит одно целое с описанием фонологической системы языка.

Предложенный в трудах Е. В. Клобукова и М. В. Панова позиционный подход, осуществленный на материале падежных форм, был применен в работах Л. А. Брусенской, О. М. Чередниченко. В. А. Лазарева к области числовых форм. Указанными авторами установлены позиционные условия реализации обобщенно-собирательного значения имени [Лазарев], множественного числа квазиабстрактных имен [Чередниченко]. Этот подход реализуется также в монографии Г. Д. Архипкиной (2005). Сторонники такого подхода не считают, однако, что дело только в установлении набора значений, присущих грамматической форме. Напротив, установлением этого набора не завершается, а только начинается системное изучение семантики словоформы. Для того чтобы набор значений составил систему, нужно определить правила, по которым осуществляется закономерный, однозначно предсказуемый выбор значений данной формы в определенном. Как справедливо пишет В. А. Лазарев [Лазарев], ни для одного из числовых значений еще не предложено исчерпывающего перечня позиционных условий. Не был под этим углом зрения и разряд *pluralia tantum*. Заметим, что в работе термин *pluralia tantum* понимается в полном соответствии с этимологией - «только множественное». Ср. в «Словаре неологизмов В. В. Маяковского» Н. Г. Колесникова (1991), в приложении № 3 перечисление таких существительных *pluralia tantum* (?), как *августов, алгебр, артиллериями, благоустройства, блажи, валюты, вер, веселий, тупости, пузы, рвот, небами, неб, росты, слав, уныньям* и под.

В работе С. Ли [Ли] коммуникативные факторы внешнего контекста (предопределяющие семантическое содержание числовой формы) сводятся к следующим:

1. просодическое оформление числовой формы;
2. интонационная характеристика предложения, в котором использована анализируемая числовая форма;
3. актуальное членение предложения;
4. коммуникативный регистр речи (репродуктивный, информативный, генеритивный, волонтеритивный, реактивный);
5. тип речевого жанра и дискурса в целом;
6. паралингвистические факторы.

Перечисленные признаки могут играть роль в выборе числовой формы доминантно плюральных существительных типа *сапоги, туфли, легкие, жабры*. Что касается имен *pluralia tantum*, то нет сомнения в том, что позиционные условия проявления числовых форм связаны, прежде всего, с лексической семантикой (ср. распространенную квалификацию числа, например - в трудах В. В. Виноградова, как лексико-грамматической категории, на том основании, что в выборе числовых форм огромную роль играет лексическая семантика).

Список литературы

- Архипкина Г. Д. Когнитивные основания и антропоцентрические параметры грамматической категории числа: монография. Ростов н/Д.: ЗАО «Ростиздат», 2005. 267 с.
- Басманова А. Г. Именные грамматические категории в современном французском языке. М.: Высшая школа, 1977. 244 с.
- Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
- Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
- Десярев В. И. Категория числа. Происхождение имен *pluralia tantum* в славянских языках // Вопросы языкознания. 1982. № 1.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных в русском языке // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974. Вып. 4.

- Исаченко А. В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания. 1961. № 1.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
- Клобуков Е. В. Число и коммуникативная типология грамматических значений // Число. Язык. Текст. Минск, 1998.
- Конявская С. В. Семантическое словообразование в системе числа существительных: синхрония и диахрония. М.: РФК-Имидж Лаб, 2004. 192 с.
- Лазарев В. А. Обобщенно-собирающее значение в семантической парадигме единственного числа существительного (на материале современного русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2002. 141 с.
- Ли С. Позиционная обусловленность числовых значений русского существительного (граммема множественного числа): дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 376 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь. Языкознание. 1998.
- Ломовцева А. А. «Нарушенное» число как явление семантико-стилистического плана // Вопросы стилистики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. Вып. 2.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Москва-Вена: Языки русской культуры, 1998. Т. 11. 543 с.
- Панов М. В. О позиционном чередовании грамматических значений // Типология и грамматика. М.: Наука, 1990.
- Перцов Н. В. Инвариант и частные значения числа русского существительного // Труды Международного семинара «Диалог'97» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1997.
- Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001. 320 с.
- Плунгян В. А. Насколько регулярны грамматические категории или о проникновении лексики в грамматику // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: тезисы Международной конференции. Владимир: ВГУ, 1995.
- Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику: учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2000. 384 с.
- Ревзина О. Г. Категория числа в поэтическом языке // Актуальные проблемы русской морфологии. М.: Издательство Московского университета, 1988.
- Чередниченко О. М. Квазиабстрактные имена: позиционные условия плюрализации и прагматические характеристики: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2002. 160 с.
- Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М.: Просвещение, 1967. 192 с.

POSITIONAL ALTERNATION IN THE SYSTEM OF GRAMMATICAL FORMS (ON THE BASIS OF NUMBER CATEGORY)

Semyonova Galina Nikolaevna

Department of Foreign languages
Volgodonsk Institute (the branch) of Southern-Russian State Technical University
galinasem@bk.ru

Abstract: In the article the review of the existing points of view concerning the positional alternation in the system of grammatical forms (on the basis of number category) is given. The efforts of many researchers of grammatical semantics were aimed at finding out the invariant (general) meaning inherent, firstly, to the number category as a whole and, secondly – the invariant meaning of each of the forms making up numerical opposition.

Key words and phrases: grammatical forms; number category; variance; invariant meaning; numerical forms; names pluralia tantum.

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Семина Ирина Александровна

Кафедра лексикологии и стилистики французского языка
Московский государственный лингвистический университет
isemfirs@mail.ru

Аннотация. В статье дается обоснование актуального характера изучения антропонимов, примеры их классификаций, излагаются формальные показатели антропонимичности у французских существительных. После обзора проблем, с которыми связано изучение номинаций человека, а также кратких выводов предыдущих исследований антропонимической лексики, объясняется возможность и необходимость изучения антропонимов в гендерном, культурологическом и когнитивном аспектах.

Ключевые слова и фразы: антропоним; наименования лица; номинации человека; антропонимическая лексика; формальные показатели антропонимичности.

Изучение антропонимов (или наименований лица, номинаций человека) - словесных знаков, служащих для выражения понятийной сферы, связанной с характеристикой и деятельностью человека - остается в настоящее время по-прежнему актуальным ввиду широкого распространения антропоцентризма, обращенного